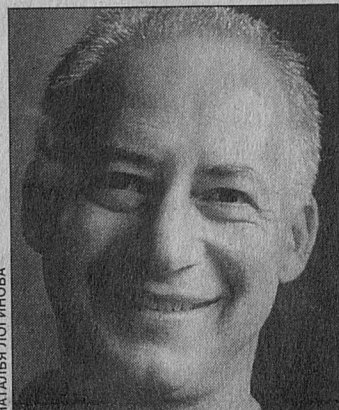

Владимир СПИВАКОВ: Хочу, чтобы Россия не стала страной-уродцем

В Москве проходит крупный музыкальный фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...» Прошло уже четыре концерта, но главные события впереди: совместное выступление Владимира Спивакова и Юрия Башмета и концерт оперной мегазвезды Джесси Норман. «Какова главная идея фестиваля?» — спросила у Владимира СПИВАКОВА наш корреспондент.

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

— Основное — идея высокой духовности. Она тайно или явно пронизывает все программы. Когда происходят такие сдвиги пород, как в России, неизбежны потери. Достоевский сказал: все в ответе за всех. Я считаю, что каждый человек в ответе за каждого человека. Мы думаем, что дух — это нечто эфемерное. Но на самом деле греческое слово *пнеума* (дух) можно перевести как дыхание, мощь. После концертов ко мне подходят музыканты и говорят: «Какое счастье, что появился этот фестиваль. Это нам всем поможет. Мы тоже будем услышаны». Я меньше всего думаю сейчас о самовозвышении, мне ничего не нужно. Я хочу, чтобы культура в России развивалась равномерно, чтобы Россия не стала страной-уродцем, где можно пойти только в ночной клуб или в бар. Я не против ночных клубов. Но нельзя, чтобы были только они.

— Ваш фестиваль будет ежегодным?

— Сомневаюсь: сделать такой фестиваль за год очень трудно. Особенно если приглашать звезд. Ведь у большинства из них жизнь расписана на годы вперед.

— Как прошли ваши репетиции с Джесси Норман 9 и 10 сентября?

— У нас была всего одна двухчасовая репетиция 10-го в театре

«Шатле» в Париже. Для того, чтобы она состоялась, Джесси всю ночь ехала на машине из Германии, а я отменил репетицию в Генуе. Ее импресарио ошибся и не подтвердил назначенные заранее даты. Я был уверен, что все в порядке, но оказалось, что у Джесси 9-го концерт в Германии. Потом Джесси направила ему факс, что если подобное повторится, он может даже не прощаться с ней, а просто уйти. Репетиция была скажочной. Меня предупреждали: не дай Бог сделать ей замечание. Но когда мы углубились вместе с ней в музыку, окружающий мир перестал для нас существовать. Я почувствовал ее звуковедение: как она строит фразы, как берет дыхание. Потом мы поговорили о темпах. Я забыл, что мне было велено не говорить ничего лишнего, и предложил другие темповые соотношения. Джесси сказала: «Давайте попробуем». А потом согласилась: «Да, вы правы». Когда Джесси выходит на сцену, возникает ощущение Присутствия в религиозном смысле этого слова. От ее голоса, ее личности, от внутреннего темперамента, от ее бездонной художественной глубины.

(Окончание на 3-й стр.)

известия — 2001 — 9 окт. — с. 1, 3

Владимир СПИВАКОВ: Хочу, чтобы Россия не стала страной-уродцем

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Почему вы решили устроить в рамках фестиваля выставку картин Бориса Анисфельда — одного из крупнейших театральных художников начала прошлого века?

— К сожалению, в России очень мало знают о нем. Я занимаюсь живописью, неплохо разбираюсь в ней и собираю картины художников дягилевского круга, но, как и многие другие, всегда думал, что Борис Анисфельд просто хороший декоратор и художник по костюмам. Но оказалось, что он очень масштабный художник, оставивший огромное наследие. Он работал в разных манерах, искал новый стиль и сделал очень сильные вещи.

— По сколько часов в день вы репетируете?

— Вот вам пример. За день до исполнения «Мессии» Генделя я с десяти утра репетировал с Рос-

сийским национальным оркестром, приехал домой в час, сорок минут играл, потом помчался на репетицию к «Виртуозам». Мы репетировали до половины шестого, а в шесть я уже был в Бригянском посольстве, где состоялся концерт детей моего Фонда. Потом вернулся домой, играл еще час, отметил для себя то, что меня не устраивало в прошлый раз на репетиции с хором, и поехал на телевидение: Андрей Максимов давно просил меня выступить в программе «Ночной полет». В час ночи добрался домой и до половины третьего работал с партитурой. А в девять утра уже собирался на репетицию «Мессии». Я очень хорошо понимаю свою старшую дочь, которая решила перейти из мира музыки в мир литературы: на ее глазах проходит часть моей жизни, она видит, какая это тяжелая и нервная работа.

— А ваша младшая дочь интересуется музыкой?

— Недавно она попросила скрипку. Я принес ей маленькую скрипочку. К чему это приведет, не знаю.

— Расскажите о ваших первых музыкальных впечатлениях.

— Мама играет мне пьесы Чайковского, Шопена и Шуберта. Она до сих пор прекрасно играет на рояле.

— Это она дала вам в руки скрипку?

— Сначала виолончель. Но я был маленького роста, носить виолончель оказалось тяжело, и на следующий день я попросил чего-нибудь полегче.

— Отличаются ли концерты в России от выступлений за рубежом?

— Когда я играю в России, я дома. Недавно сажусь в такси и таксист говорит: «Владимир, только не вздумайте мне заплатить. Я счастлив, что вы были в моем автомобиле». Эти трогательные проявления любви ко

мне и к тому, что я делаю, не могут заменить никаких материальных благ, никаких орденов и медалей.

— Каковы ваши планы после фестиваля?

— На следующий день, 6 октября, мы с Российским национальным оркестром вылетаем в Пизу на фестиваль духовной музыки, где у нас состоится два концерта. В них прозвучат произведения Бернштейна, Стравинского и «Берлинская месса» Арво Пярта, которая будет впервые исполнена в этом городе. Еще я должен дважды сыграть концерт Брамса в Лилле во Франции, а после этого поехать в Ереван на празднование 1700-летия христианства в Армении. В ноябре у меня гастрол в Америке. А еще будут концерты в абонементе Российского национального оркестра и концерты «Виртуозов Москвы».

Ольга РОМАНЦОВА